

*Диплом Лауреата I степени Всероссийского молодежного
конкурса "Бунину-150"*

Илья Выговский

Мой, и только мой, Бунин.

Иван Алексеевич Бунин, потомственный дворянин, певец русской природы, знаток усадебной жизни, писатель и поэт, в совершенстве владеющий русским словом. До недавнего времени все было именно так. Рассказами Бунина я зачитывался с детства. Возможно, не по возрасту были все эти «Темные аллеи», «Антоновские яблоки», «Господин из Сан-Франциско», «Чистый понедельник». Да, конечно, и «Легкое дыхание», как же без этого.. Почему конечно? Прочитанный в слишком раннем возрасте, рассказ оказал огромное влияние на мою неокрепшую психику. Сколько интимно-таинственного, будоражащего воображение было в нем! Оленька Мещерская, ее мимолетная жизнь, пренебрежение нормами морали, роковая любовь и смерть на почве ревности, - все это влекло, как запретный плод. Признаться, я до сих пор делю девушек по-Бунински: на непривлекательных толстухек Субботиных и грациозных сексапильных Мещерских. Но не об этом речь. Еще буквально год назад с именем Бунина у меня ассоциировалась вековая патриархальная Россия с ее «морями хлебов, трав, цветов», ее «глубочайшей полевой тишиной», с ее героями, живущими гипертрофированными любовными переживаниями. Но пробил час, и я познакомился совсем с другим Буниным. Это был Бунин-обличитель, Бунин-негодующий, Бунин-пророк. Я заглянул в kloкочущее жерло вулкана под названием «Бунин». Однако, то, что я узнал, не только не отвернуло меня от великого писателя, а упрочило мою читательскую любовь к нему. А поспособствовало этому прочтение нескольких книг. Одна из них – книга самого Ивана Алексеевича «Окаянные дни». Другие – книга Нины Николаевны Берберовой «Курсив

мой», «Грасский дневник» Галины Николаевны Кузнецовой, последней любви писателя, и «Воспоминания» Софии Юльевны Прегель, поэтессы, журналистки и переводчицы.

«Окаянные дни» - это дневник писателя времен революции 1917 года и Гражданской войны. На страницах своего дневника Иван Алексеевич описывает трагическое крушение старого мира, который он хорошо знал, любил и воспевал. На смену лирическим героям пришли герои иные. «Мужики, разгромившие осенью семнадцатого года одну помещичью усадьбу под Ельцом, ощипали, оборвали для потехи перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных, летать, метаться, тыкаться с пронзительными криками куда попало». Эта картина потрясла меня своим зверством. Возможно, пройдет время, и я забуду хорошо известные по школьной программе бунинские строки:

«Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной...»

Но эту картину растерзанных и униженных птиц я не забуду никогда!

«Окаянные дни» - одна из моих любимейших книг Бунина. Это реквием по той России, которой уже нет и никогда не будет. Это не дневник кляузника-предателя, как это представлялось многим в то непростое время. Это крик души романтика – идеалиста, столкнувшимся с трагическим явлением в нашей истории. Кровью своей он писал эту книгу! Думая не столько о себе, а о нас, потомках, он с болью писал: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

Хаос, грабежи, расстрелы врагов народа, скорее похожие на убийства... Окружающие писателя люди мечутся между «красными» и «белыми», даже не понимая идеологии ни тех, ни других. Новые хозяева жизни вызывают у интеллигентного, тонко чувствующего Бунина неприятие и омерзение, и он со всей своей писательской откровенностью и талантом безжалостно описывает чехарду событий, свидетелем которой он был сам. Бунин пишет с горечью, но без неуместной желчи, с болью, но без сентиментальных слез. На протяжении всего повествования меня не покидают вопросы: почему так случилось? кто виноват? что произошло с людьми, какой вирус в них вселился? Я не нахожу ответа...

Эта суровая книга Бунина мне чем-то напомнила «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, который, как и Иван Алексеевич, возложил на себя миссию донести до потомков весь ужас сталинских репрессий, это огромное эпическое полотно, где отразились судьбы сотен тысяч людей и схема страшной системы их уничтожения в масштабе целого государства. Однако, при написании своего эпохального произведения Солженицын опирался не только на свой собственный опыт, он использовал письма бывших заключенных, устные рассказы и воспоминания участников кровавых событий. Бунин же написал свой труд самостоятельно, исключительно опираясь на собственный опыт и талант. На этом различия не заканчиваются. Солженицын пишет свой «Архипелаг» после того, как он вышел из заключения, в то время как Бунин пишет свои «Дни» с 1917 по 1919 годы, то есть в то время, когда он был непосредственным участником и свидетелем скорбных событий.

Не спорю, в «Окаянных днях» автор порой беспощаден не только к незнакомым ему людям, но и к своим коллегам. Он называет Владимира Маяковского «самым низким, самым циничным и вредным слугой советского людоедства». Что это? Зависть к более успешному и

предприимчивому коллеге? Нет, нет и нет! Дело в том, что в то время Маяковский проникся социалистической идеологией, принял власть большевиков, стал частью системы, что было отвратительно и недопустимо для благородного Бунина. Этим и объясняются его острые, ядовитые комментарии в адрес поэта «горлана-главаря». Не пощадил он и Максима Горького, обозвав того «чудовищным графоманом». Но, читая о б этом «жареном факте», люди, как правило, не знают предыстории события. Два десятилетия Бунин и Горький были друзьями. Конец дружбе произошел в судьбоносном 1917-ом году. Вот что пишет сам Бунин: «Тут случилось, что человек, с которым у меня за целых двадцать лет не было для вражды ни единого личного повода, вдруг оказался для меня врагом, долго вызывавшим во мне ужас, негодование». Причина проста – Горький, как и Маяковский, тоже принял революцию, став ее Буревестником и глашатаем. Пламя мировой революции выжгла эту дружбу до конца дней великих творцов. Как мы видим, нелестные воспоминания Бунина о своих коллегах продиктованы не проявлением темной стороны его характера, не природной желчностью, а вполне объективными причинами. Талантливый и бескомпромиссный Иван Алексеевич едко отхлестал и многих других коллег по писательскому цеху, которые приняли новый строй, изменив старому, без которого он не мог полноценно жить. Нет, не ненависть я читаю в его строках, не желчь и не клевету, а горечь и боль за потерянное отечество. «Окаянные дни» - это не любовная трагедия гимназистки Оленьки Мещерской. Это эпическая трагедия целого русского народа!

Однако, был в жизни Бунина человек, чьей личностью он восхищался и чей талант без всяких условий принимал - Антон Павлович Чехов. «У Чехова каждый год менялось лицо», — писал он. «В 84 году: мордастый, независимый... В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: губастый башкирский малый. В 90 году: красавость,

смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку. В 92 году: типичный земский доктор. В 97 году: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно в упор. А потом: какое тонкое стало лицо!» До какой степени надо любить человека, чтобы каждый раз фиксировать нюансы изменений в его внешности!

В своем эссе я не ставлю целью написать биографию Ивана Бунина. На эту тему выпущено достаточно книг, монографий, есть ценные свидетельства близких ему людей. Но все же считаю необходимым упомянуть, что в январе 1920 года, вместе с женой Верой Николаевной Муромцевой, писатель из Одессы отплыл в Константинополь. С этих пор Бунин жил во Франции, главным образом в Париже и Грассе. Так, истинно русский писатель, певец патриархального быта и стародавних устоев, становится эмигрантом. В 1933 году он получает Нобелевскую премию. Вскоре началась Вторая мировая война. В это время Бунин жил в Грассе, жадно следил за военными событиями, бедствовал, прятал от гестапо в своём доме евреев, радовался победам советских войск. Он никогда не переставал быть патриотом. На мой взгляд, он был более русским, чем многие из тех, кто в это время жил в России.

Очень интересные воспоминания о писателе оставила Нина Берберова, бывшая жена Владислава Ходасевича. Будучи тоже эмигранткой, она часто встречалась с Иваном Алексеевичем, вела переписку. Мое отношение к ее мемуарам двойственное. С одной стороны, я благодарен Нине Николаевне за то, что она оставила воспоминания об этом бесценном общении с великим писателем. Но, с другой стороны, мне претит ее беспардонный натурализм некоторых эпизодов, о которых, с моей точки зрения, лучше бы было умолчать. Ни к чему читателям знать, как в голодном 1945 году на каком-то празднике Бунин съел всю колбасу с бутербродов, излишне и описание его ночной вазы, которую Берберова

увидела в коридоре его квартиры. «Я — поэт. Этим и интересен», - писал о себе Маяковский. То же самое я бы сказал и про Бунина. Чем живописать старость Ивана Алексеевича, его немощь, боязнь заходить в лифт и земное увядание, лучше бы она побольше оставила его воспоминаний о своей яркой жизни, о том, что осталось вне его произведений. Такие светлые и целомудренные мемуары о Иване Алексеевиче оставила Софья Юльевна Прегель. «Есть дни, когда Иван Алексеевич никого к себе не допускает и разговаривать с ним можно лишь через закрытую дверь», - пишет мемуаристка, упуская интимные подробности про ночные горшки и скверный характер постаревшего писателя. «Задор никогда его не покидал. После Бунина осталось множество экспромтов и стихов «на случай», остроумных и злых, или нарочито наивных», - читаем мы в книге ее воспоминаний и радуемся, что до конца своих дней Бунин оставался Буниным – умным, резким, остро реагирующим на окружающих. Не имея собственных детей, Иван Алексеевич очень привязался к Олечке Жировой, дочери друзей. Она жила у Буниных с четырех лет. Веру Николаевну она называла Ника. Бунин для нее был Ваней, и его можно было за разные проступки ставить в угол. Он посвящал ей стихи, и Олечка плакала от обиды, если он писал про «неприличное»...

Про Ивана Алексеевича Бунина я мог бы написать очень много, так как личность писателя меня интересует не один год. Огромен материал, который я собрал из самых, порой неожиданных, источников. Но существует определенный лимит, и мое повествование подходит к концу. «Нельзя прикасаться к идолам: позолота остается у нас на пальцах», - сказал когда-то Гюстав Флобер. Лично я с ним не согласен. К идолам прикасаться необходимо. Но мы должны это делать деликатно и с чистым сердцем. Делать уважительно, протягивая к ним руки и каждый раз

согревая их каменные изваяния своим теплом. Это я и попытался сделать, повествуя про великого русского писателя Ивана Бунина.

Об себе

Я, Выговский Илья Сергеевич, родился 12 декабря 2005 года в городе Владивостоке. С раннего детства увлекаюсь литературным творчеством. Начинал, как поэт. Позже попробовал себя во всех литературных жанрах. Мои эссе неоднократно становились победителями таких крупномасштабных конкурсов, как «Лучший урок письма» или «Всероссийский конкурс сочинений». Я регулярно печатаюсь во многих газетах и журналах: «Юный натуралист», «Пионерская Правда», «Костер», «Арсеньевские Вести», «Правда», литературный альманах «Дальний Восток», журнал «Основы безопасности жизнедеятельности» и др. Два года назад меня наградили премией имени Виктора Астафьева, затем получил Гран при, участвуя в литературном

конкурсе им. А. Решетова. Многократно занимал первые места в других крупных Всероссийских и Международных конкурсах. Моя пьеса «Хэй, тиче!» идет в нескольких театрах страны, а стихотворения включены в дополнительную школьную программу некоторых учебных заведений. Я очень люблю свой Владивосток и не собираюсь отсюда никуда уезжать. Очень хочу поступить в наш Медицинский институт и получить профессию хирурга. Овладев профессией, мечтаю уехать в нашу Приморскую глубинку, где так нужны врачи этого профиля, а в свободное время буду писать свои скромные произведения. Так делал А.П. Чехов, так буду делать и я. А пока я учусь в гимназии №2, в 8 «В» классе, отличник, активно принимаю участие во всех школьных мероприятиях: читаю свои стихи, выпускаю газету, танцую – ведь я профессионально занимаюсь бальными танцами. Вот и все.